

МЕЖДУ НЕБОМ И НАМИ

Свет всегда
казался безопасным.
Пока я не увидела тебя.

Скорость — единственное,
что делает тишину честной.

Со Юн

отличница.
Жизнь по плану.

Ты — мой день.
Я — твоя ночь.

А Чи

гонщик.
Правила существуют,
чтобы их нарушать.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Два Кицунэ

18+

Диа Кицунэ

«М#жду н#δ#м # н#м#»

<https://litres.ru/74184668>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть люди, которым с рождения принадлежит весь мир.

И есть те, кому с самого начала не принадлежит ничего.

Говорят, небо принадлежит каждому.

Но одни рождаются слишком высоко, чтобы в него поверить.

Другие — слишком низко, чтобы к нему стремиться.

Когда дочь семьи чеболей встречается парня, привыкшего жить на грани, судьба уже начинает писать историю, в которой нет случайностей.

Историю, где за каждой улыбкой скрывается ложь, за каждым выбором — жертва, а любовь приходит тогда, когда доверять становится опаснее всего.

Кан Со Юн — наследница влиятельной семьи, чья жизнь расписана на годы вперёд. Идеальная дочь. Идеальная студентка. Идеальное будущее, в котором нет места собственным желаниям.

А Чи — парень, выросший на окраине мира, где выживают только те, кто не боится скорости, боли и темноты. Его жизнь — это ночные дороги, риск и свобода, за которую приходится платить слишком высокую цену.

И никто из них ещё не знает,
что эта встреча не была случайной.
Она была подготовлена...

Содержание

Глава 1. «ТАМ, ГДЕ ВСЁ УЖЕ РЕШЕНО»	5
Глава 2. «ЛЮДИ, КОТОРЫХ ЖДУТ ДОМА»	22
Глава 3. «Параллельные миры»	53
Глава 4. «По ту сторону привычек»	66
Глава 5. «Некоторые встречи меняют тишину»	82
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Диа Кицунэ

«М#жду н#δ#л # н#л#»

Глава 1. «ТАМ, ГДЕ ВСЁ УЖЕ РЕШЕНО»

Город никогда не ошибается.

Он просто делает вид, что даёт людям выбор.

Высотные здания отражали вечернее небо так, будто пытались удержать его внутри стекла. Машины текли по дорогам ровно, предсказуемо, как будто даже движение здесь подчинялось корпоративному договору.

И если прислушаться, можно было услышать главное правило этого мира:

"ничего не должно выходить за рамки."

Она знала это с детства.

Не потому что кто-то ей это объяснил, а потому что в её жизни даже тишина была организованной.

Учёба в элитном университете.

Список достижений, который обновлялся быстрее, чем эмоции.

Разговоры, в которых каждое слово имело вес репутации.

И фамилия, которую произносили с паузой.

Не из уважения.

Из расчёта.

Моя семья была из тех, чьи имена не произносят громко.

Чеболи.

Люди, у которых деньги не считаются, а управляют.

И я была частью этой системы ещё до того, как научилась выбирать сама.

Я всегда выглядела так, как от меня ожидали.

Аккуратно собранные волосы, без единого выбившегося локона. Сдержанный взгляд, в котором не должно было быть лишних эмоций. Осанка — ровная настолько, что даже усталость не позволяла себе проявиться.

В университете меня часто называли “идеальной”.

Но никто не уточнял, что идеальность — это не качество. Это форма существования.

Я учусь в одном из лучших университетов страны, на факультете международного бизнеса и финансов.

Это не мой выбор.

Это скорее маршрут, который проложили до того, как я научилась спорить.

Потому что однажды мне сказали:

“Ты должна понимать, чем владеешь.”

Здесь не учат мечтать. Здесь учат управлять теми, кто мечтает.

Я никогда не опаздываю.

И никогда не прихожу раньше.

Есть разница, которую мало кто понимает, но в моём мире даже время подчиняется правилам.

Опоздание — это слабость. Ранний приход — попытка выделиться.

Я всегда была лучшей во всём.

Не из-за таланта.

А потому что иначе нельзя.

Ошибка в моей жизни — это не случайность. Это событие, которое нельзя допустить.

Иногда я думаю, что усталость — это единственное честное чувство, которое у меня есть.

Библиотека стала моим привычным местом. Я остаюсь там до закрытия, пока свет не становится мягче мыслей, а буквы теряют смысл. Но я всё равно не ухожу первой.

И всё ради одного:

не разочаровать.

Сегодня я задержалась дольше обычного.

Но впервые не из-за дедлайнов.

А потому что просто не хотела идти домой.

Потому что мой дом — это не место, где тебя ждут. Это место, где тебя уже определили.

Когда я вышла из университета, воздух уже стал холоднее.

Университет постепенно пустел, превращаясь в аккуратную декорацию чужих амбиций.

Я поправила сумку на плече и пошла к выходу.

Шаги звучали слишком громко для места, где всегда учили быть незаметной.

Ночь всегда делала мир честнее, она не притворялась светлее, чем есть.

Я шла медленно.

Не потому что устала.

А потому что впервые день не тянул меня никуда.

Тогда я впервые почувствовала раздражение к собственному миру.

Не громкое.

Тихое.

Опасное.

И именно в этот момент город сделал ошибку.

Или сделал вид, что это ошибка.

В эту ночь я впервые увидела его.

Он появился не резко.

Не как вспышка.

Скорее, как что-то, что всегда было рядом, просто я не замечала.

Мотоцикл стоял у перекрёстка чуть в стороне от главной дороги.

Чёрный, массивный, с матовым блеском, будто впитывал свет, а не отражал его. Слишком живой для этого стерильного района.

На нём сидел парень в шлеме, который не пытался выглядеть эффектно.

Он вообще не пытался выглядеть.

Он сидел на нём так, будто дорога принадлежит ему.

Шлем скрывал лицо, но не скрывал ощущения.

Он не был частью этого места.

И это чувствовалось сразу.

Я должна была пройти мимо.

Я всегда прохожу мимо.

Так правильно.

Но в этот раз шаг замедлился сам.

Светофор мигнул.

Красный.

Жёлтый.

И воздух на секунду стал плотнее.

Я шла, не поднимая лишний раз взгляд.

Такие районы приучают не смотреть по сторонам, только вперёд.

Но сегодня взгляд всё же поднялся.

И этого оказалось достаточно.

Их столкновение не было драматичным.

Никакого “врезались”, никакого “она упала”.

Только случайность, которая потом почему-то не кажется случайностью.

Её папка с документами выскользнула из рук.

Бумаги разлетелись по асфальту, так будто у них тоже был шанс сбежать.

Он снял одну перчатку, наклонился и поднял несколько листов быстрее, чем она успела среагировать.

Движения были уверенные.

Привычные.

Как у человека, который чаще ловит хаос, чем вещи.

— Осторожнее, — сказал он.

Голос был спокойный.

Не грубый.

Но в нём было что-то... непривычное для этого места.

Слишком живое.

Она посмотрела на него впервые прямо.

И сразу же почувствовала странное несоответствие.

Он не вписывался.

Не в одежду.

Не в район.

Не в её мир.

— Спасибо, — сказала она коротко.

Так, как учили: без лишнего.

Без продолжения.

Он вернул ей документы, но не сразу отпустил.

Его взгляд задержался на обложке.

— Университет... — произнёс он.

Пауза.

Факультет.

Моё имя.

— Финансы. Зае - е - бок... — произнёс он тихо.

И в его голосе не было ни удивления, ни восхищения.

Только сухое понимание.

— Ну конечно. — съязвил он.

Голос был слишком уверенный.

Так говорят люди, которые не привыкли спрашивать разрешения у жизни.

— Ты учишься здесь? — спросил он, как будто специально.

Она кивнула.

Он чуть усмехнулся.

Не насмешливо.

Скорее... как человек, который знает, что такие места не про знания.

— Похоже, там любят идеальные вещи.

Она не ответила.

Но внутри что-то слегка сместилось.

— А ты? — спросила я неожиданно для самой себя и поняла, как глупо это прозвучало.

Он на секунду замолчал.

И это молчание было другим.

Не неловким.

А закрытым.

— Я здесь просто проезжал.

Ответ, который ничего не объясняет.

Но почему-то объясняет всё.

Он наконец посмотрел на меня прямо. И в этот момент стало ясно — он не просто смотрит. Он оценивает не внешность. А структуру.

— Бляя, ну ты выглядишь так, будто твою жизнь уже написали за тебя и ты просто следуешь строкам. Такие редко знают, что такое выбор. — сказал он спокойно.

Я должна была уйти.
Сразу.

Но почему-то осталась.

— А ты выглядишь так, будто у тебя его слишком много.

— буркнула я быстрее, чем позволила себе подумать.

Он снова усмехнулся. Едва заметно. Не тепло. И не холодно.

Скорее как реакция человека, который давно перестал спорить с миром.

— У меня его нет, — сказал он.

Пауза.

— Я просто делаю вид, что он есть.

Где-то вдали послышался рев двигателя.

Слишком резкий для этой улицы.

Слишком свободный.

Он надел перчатку обратно.

И перед тем как развернуться к мотоциклу, сказал:

— Ты слишком правильно существуешь. Такие люди ломаются не сразу. Но всегда одинаково.

Я не ответила.

Потому что впервые не была уверена, что хочу спорить.

Он сел на мотоцикл.

Двигатель ожил резко.

Громко. Живо.

И он уехал, так же, как появился, не прощаясь.

А я осталась стоять.

Слишком долго для человека, который всегда знает, куда идти дальше.

И впервые за долгое время меня раздражало не то, что он сказал.

А то, что я запомнила его голос.

И это было хуже любой ошибки.

Конец главы 1.

Глава 2. «ЛЮДИ, КОТОРЫХ ЖДУТ ДОМА»

Ночь не принадлежала этому городу.

Она принадлежала тем, кто переставал бояться скорости.

На окраине старого района, где фонари горели через один, воздух вибрировал от ревущих двигателей. Асфальт здесь давно перестал быть дорогой — он стал ареной, где скорость заменяла разговоры, а риск считался валютой.

Голоса сливались в одно напряжённое ожидание.

...

— Три... — прозвучало где-то в темноте.

— Два...

— Один!

Рёв десятков двигателей одновременно разорвал тишину,

будто само сердце города вдруг решило биться громче.

Мотоциклы сорвались с места.

Красные огни исчезли впереди длинной огненной линией,
растворяясь в ночи.

Толпа за спиной взорвалась криками.

Ставки были сделаны.

Деньги уже нашли своих будущих хозяев.

Оставалось только выяснить, кто сегодня окажется быстрее собственной смерти.

Чёрный мотоцикл резко ушёл вперёд.

Он не вилял.

Не рисовался.

Не играл на публику.

Он просто ехал так, будто дорога заранее знала, кому
должна уступить.

— Чёрт... А ЧИ опять впереди! — крикнул кто-то.

— Да он вообще человек?

— Нет...

Кто-то усмехнулся.

— Он просто сумасшедший.

...

Ветер бил в грудь, холодный и острый, но внутри было пусто и спокойно, как всегда в момент, когда деньги уже перестали быть целью и стали просто последствиями.

Финиш.

Резкий тормоз.

Свист.

Крики.

Запах жжёной резины ещё долго висел в воздухе.

А ЧИ спокойно снял шлем.

Чёрные волосы растрепались, несколько влажных прядей упали на лоб.

Очень светлая кожа резко контрастировала с ночной темнотой.

Высокий.

Широкие плечи.

Чёткая линия челюсти.

Холодный взгляд, от которого хотелось отвести глаза раньше, чем он посмотрит в ответ.

Пухлые губы, на которых почти никогда не задерживалась улыбка.

На левом плече из-под футболки выглядывала татуировка, уходящая к ключице.

Ещё одна тянулась вдоль предплечья.

Не вызывающе.

Будто всегда была частью него.

Красивый.

Но не та красота, которая успокаивает.

Скорее та, рядом с которой становится немного опасно дышать.

— Если однажды проиграешь, я ж, расплачусь, — раздался знакомый голос.

ПАК МИН ДЖЭ.

Единственный человек, который разговаривал с А ЧИ так, будто не замечал его ледяного взгляда.

МИН ДЖЭ подошёл ближе, забрал у организатора толстую пачку купюр и сунул её другу.

— Держи, мистер "я опять испортил всем вечер".

А ЧИ пересчитал деньги одним взглядом.

— Мало.

— Конечно мало! Ты же опять отказался участвовать в двух заездах.

— Да пох.

МИН ДЖЭ закатил глаза.

— Вот это меня в тебе и бесит.

Ты вообще умеешь хотеть что-то для себя?

А ЧИ молча убрал деньги во внутренний карман куртки.

— Уже хочу.

— Что?

— Спать.

МИН ДЖЭ громко рассмеялся.

— Нет, серьёзно. Когда-нибудь ты точно разбогатеешь.

И надеюсь, первым делом купишь новый холодос.

А ЧИ даже не посмотрел на него.

— Старый ещё работает.

МИН ДЖЭ фыркнул.

— Ха, да он работает только потому, что боится твоей бабушки.

На этот раз уголок губ А ЧИ едва заметно дрогнул.

Это была настолько редкая улыбка, что МИН ДЖЭ победно хлопнул себя по груди.

— Есть! Видели? Он всё-таки человек!

МИН ДЖЭ вновь рассмеялся.

Потом резко посмотрел на А ЧИ уже совсем иначе, серьёзно.

Иногда МИН ДЖЭ ловил себя на мысли, что до сих пор

удивляется этому зрелищу.

Редкая улыбка А ЧИ каждый раз напоминала ему о мальчишке, которого он встретил много лет назад.

Тогда ему казалось, что этот странный, молчаливый парень вообще не умеет улыбаться.

— Знаешь... Если бы тогда ты не появился... Меня бы, наверное, уже не было.

— Не говори ерунды.

— Ну реально. Ты даже не представляешь, насколько изменил мою жизнь.

— Ты слишком много болтаешь. — произнёс А ЧИ...

МИН ДЖЭ только усмехнулся.

Он был шумным.

Слишком живым для этого мира.

И именно поэтому рядом с А ЧИ он звучал как что-то лишнее... и необходимое одновременно.

Но так было не всегда.

Перед глазами неожиданно всплыл тот день, который изменил всю его жизнь.

Ему было двенадцать.

Школьная форма была порвана, ноги дрожали, а трое хулиганов, громко смеялись, загнав его в переулок.

— Ты опять не принёс бабки?

Один из них толкнул его так сильно, что МИН ДЖЭ ударился спиной о бетонную стену.

В голове стало пусто и шумно одновременно.

И самое страшное — не боль.

А то, как быстро становится ясно: помощи ждать не откуда.

Он зажмурился, ожидая следующего удара.

Но вместо него вдруг наступила тишина.

— Эй. Пацаны, в троём на одного прёте? — спросил он.

Голос был спокойным.

Слишком спокойным.

МИН ДЖЭ открыл глаза.

Между ним и старшими стоял худой темноволосый мальчишка.

Руки были засунуты в карманы школьной формы, словно происходящее его совершенно не касалось.

— Идите домой, — сказал он.

Секунда тишины.

А потом — громкий смех.

Хулиганов это только позабавило.

Дальше последовал ещё один удар... который так и не слу-

чился.

Через минуту смеялись уже не они.

Домой они шли по узкой улице, освещённой редкими фонарями.

Никто не разговаривал.

С разбитыми костяшками.

С синяками, которые жгли сильнее, чем гордость.

И с каким-то странным ощущением, что день закончился неправильно... но честно.

МИН ДЖЭ украдкой посмотрел на мальчишку рядом.

Тот шёл так спокойно, словно драки вообще не было.

Словно разбитые кулаки были такой же привычной частью дня, как школьные уроки.

— Почему ты вообще вмешался? — наконец спросил

МИН ДЖЭ.

А ЧИ пожал плечами.

— Трое на одного, не справедливо.

— Мы ведь даже не знакомы.

— Теперь знакомы.

Ответ прозвучал так буднично, будто ничего особенного действительно не произошло.

С того дня МИН ДЖЭ перестал быть “сам по себе”.

а А ЧИ — “один”.

Через несколько минут они остановились возле маленькой закусочной.

Над дверью лениво покачивалась старая вывеска.

Изнутри пахло жареным рисом, дешёвым раменом, спокойствием и чем-то странно домашним.

Живот МИН ДЖЭ предательски заурчал.

А ЧИ сделал вид, что не услышал.

Дверь открылась.

— МИН ДЖЭ!

За прилавком стоял высокий мужчина в фартуке.

На висках уже серебрилась седина, но улыбался он по-молодому тепло.

Увидев разбитую губу сына, он мгновенно перестал улыбаться.

— Опять?

МИН ДЖЭ виновато опустил голову.

Мужчина хотел что-то сказать, но его взгляд остановился на незнакомом мальчике рядом.

Тот стоял чуть позади, засунув руки в карманы.

Настороженный.

Готовый в любой момент уйти.

— Это твой друг?

МИН ДЖЭ замялся.

Потом неожиданно уверенно кивнул.

— Да.

Друг.

Он впервые произнёс это слово вслух.

И сам удивился, насколько правильно оно прозвучало.

Отец улыбнулся.

— Тогда чего стоите? Заходите.

Рамен уже почти готов.

А ЧИ покачал головой.

— Я не голоден.

Живот громко возразил.

МИН ДЖЭ прыснул со смеху.

— У моего раменa ещё никто не выигрывал.

Заходи.

А ЧИ прошёл за самый дальний столик, просто сел у стены и ничего не сказал.

Отец МИН ДЖЭ тогда спросил:

— Он всегда такой?

МИН ДЖЭ кивнул:

— Но он хороший.

Отец одобрительно кивнул.

— Тогда пусть приходит.

С этого вечера на кухне всегда ждала ещё одна тарелка... для того, кто стал и другом, и братом.

Возвращаясь домой тем вечером, А ЧИ впервые за долгое время чувствовал странное тепло.

Он так и не понял, было ли дело в горячем рамене...

Или в том, что кто-то впервые назвал его другом.

Когда он открыл дверь, ЁН ХИ уже ждала его.

— Сядь.

ЁН ХИ сидела на краю кровати, держа в руках пузырёк с антисептиком.

Запах лекарства давно смешался с запахом старого дерева и свежесваренного риса.

А ЧИ терпеть не мог этот запах.

Потому что он всегда появлялся после драк.

— Сядь.

Он молча сел рядом.

Она осторожно взяла его ладонь.

Костяшки снова были сбиты.

— Ты опять полез защищать кого-то?

— Да.

— Сколько это будет ещё продолжаться?

— Незнаю.

Она тяжело выдохнула.

— Ох и зачем я только отправила тебя в этот спорт.

— Чтобы я мог защитить себя... и других.

— Вот именно, защищаться, а не драться.

На лице А ЧИ промелькнула едва заметная улыбка.

— Сколько их было?

— Трое.

Она подняла голову.

— Что - о - о?

— Трое против одного. Пятеро против двоих. Да какая разница. Всё равно им досталось.

Она покачала головой...

— Я просто не люблю, когда не справедливо.

ЁН ХИ долго смотрела на него.

Потом тихонько коснулась его волос.

Совсем как в детстве.

— Ты слишком похож на свою мать...

Он сразу опустил взгляд.

И впервые за весь вечер ничего не ответил.

Бабушка тоже пожалела о сказанном.

В комнате повисла тишина.

Та, в которой живут воспоминания.

Она снова принялась обрабатывать его раны.

— Знаешь, чего я боюсь больше всего?

— Чего?

— Что однажды ты придёшь домой слишком поздно...

И я уже не смогу открыть тебе дверь.

Тогда он только усмехнулся.

Ему казалось, что впереди ещё слишком много времени, чтобы всерьёз бояться подобных слов.

Он ошибался.

...

Мысль оборвал знакомый скрип калитки.

А ЧИ моргнул.

Перед ним снова был его маленький дом, который прятался между старыми зданиями, словно давно смирился с тем, что однажды его тоже снесут.

На крыльце горел одинокий жёлтый фонарь.

А ЧИ поднялся по ступенькам и тихо открыл дверь, словно боялся разбудить весь мир.

На кухне горела лампа.

Перед телевизором, накрыв ноги пледом, сидела ЁН ХИ.

Экран был чёрным.

Пульт лежал рядом.

Она снова уснула...

Или сделала вид.

— Бабушка.

Один глаз тут же приоткрылся.

— Почему ты опять так поздно?

— Работал.

— Врёшь.

— Тогда катался.

— Это ещё хуже.

Он тяжело выдохнул.

— ЁН ХИ...

Она мгновенно нахмурилась.

— Не называй меня по имени.

Я для тебя бабушка.

Он снял куртку.

— Хорошо.

БА - А - А - БУ - У - УШКА.

— Вот теперь правильно.

Она поднялась и тихо, ворча себе под нос, направилась к плите.

— Молодые сейчас вообще не умеют вовремя приходить домой.

— Я уже дома.

— После полуночи — это не "дома".

Это "решил вспомнить, что у тебя есть бабушка".

Через несколько минут перед ним уже стояла большая тарелка горячего рамёна.

А ЧИ посмотрел на неё.

— Ты опять не спала.

— Если бы ты приходил вовремя, я бы и спала вовремя.

Он знал, что пока не вернётся домой, она не сможет спокойно уснуть.

Поэтому молча взял палочки.

— Ешь.

— А ты?

— Я уже поела.

Он поднял взгляд.

Они оба знали, что это неправда.

Но спорить не стали.

— Ты похудел.

— Нет.

— Худой человек всегда говорит "нет".

Нормальный человек просит добавки.

Он посмотрел на тарелку.

— Здесь еды на троих.

— Значит, наконец-то поешь как человек.

Он покачал головой.

— Ты специально столько кладёшь.

— Конечно.

Мне же надо когда-нибудь женить тебя.

Он поперхнулся.

— Ну БА - А - А - БУШКА.

— Что "бабушка"?

— Я ещё молод.

— Именно.

В твоём возрасте дед уже бегал за мной.

— Он бегал, потому что ты убегала.

ЁН ХИ рассмеялась.

Тихо.

Совсем по-домашнему.

— Вот видишь.

Умеешь ведь шутить. Она погладила А ЧИ по макушке и расплылась в тёплой улыбке.

~ Иногда любовь звучит тише любых признаний.~

...

Позже он закрыл за собой дверь в ванной.

Тёплая вода смывала запах бензина и холодного ночного воздуха.

Он медленно стянул футболку.

На левом плече тянулась чёрная татуировка.

Под рёбрами белел старый шрам.

Память о драке, в которую он когда-то полез не ради себя.

На руках выступали тонкие белые полосы от старых ссадин.

Эти следы были честнее любых слов.

Он провёл ладонью по лицу и закрыл глаза.

В голове почему-то снова возникла девушка из университета.

Спокойный взгляд.

Идеальная осанка.

Голос, в котором раздражение звучало непривычно красиво.

"...А ты выглядишь так, будто у тебя слишком много выбора."

— ...СТРАННАЯ... —

Он даже не понял, почему вообще вспомнил её.

...

Ночью его разбудил кашель.

Тихий.

Но слишком долгий.

А ЧИ приоткрыл дверь комнаты.

ЁН ХИ уже сидела на кровати, прижимая ладонь к губам.

Увидев его, она сразу улыбнулась.

Так легко.

Так привычно.

— Разбудила?

— Что случилось?

— Простыла немного.

Она сказала это так спокойно, что любой другой поверил бы сразу.

А ЧИ молча кивнул.

Но внутри впервые появилось чувство, которого раньше не было.

Страх.

— Завтра куплю тебе лекарства.

— Не трать деньги.

Лучше отложи их.

На учёбу.

Он усмехнулся.

Без радости.

— Бабушка...

— Обещай.

Он ничего не ответил.

Потому что оба знали:

иногда молчание — единственное обещание, которое невозможно нарушить.

...

Утром город снова притворился правильным.

А ЧИ застегнул куртку, взял шлем и уже собирался выйти, когда телефон коротко завибрировал.

Регистратор автоматически сохранил запись вчерашней поездки.

Он машинально открыл файл.

На экране неожиданно появилась девушка.

Длинные тёмные волосы.

Белая рубашка.

Папка с документами, рассыпавшимися по асфальту.

Она подняла голову.

Камера успела поймать её взгляд.

Спокойный.

Но почему-то очень одинокий.

А ЧИ задержал палец над экраном.

Можно было удалить запись.

Он не удалил.

Лишь заблокировал телефон и тихо усмехнулся.

— ...СТРАННАЯ... —

В это самое утро, на другом конце города, КАН СО ЮН стояла у окна своей комнаты.

В руках она держала телефон.

И, как всегда, фотографировала небо.

Потому что только небо не принадлежало никому.

Тогда никто из них ещё не знал, что иногда самые важные встречи начинаются задолго до того, как люди понимают, что

уже ищут друг друга.

Конец главы 2.

Глава 3. «Параллельные миры»

Самые тяжёлые разговоры редко происходят с незнакомыми людьми.

Чаще всего они начинаются со слов:

«Ты должен.»

И почти никогда со слов:

«Чего хочешь ты?»

—

Утро в доме семьи КАН никогда не начиналось с шума.

Здесь никто не опаздывал.

Не спорил.

Не смеялся слишком громко.

Даже солнечный свет казался воспитанным, он осторожно ложился на белые стены, дорогую мебель и идеально сервированный стол.

Белоснежный фарфор.

Серебряные приборы.

Свежие цветы, которые меняли каждое утро.

В этом доме даже красота была частью порядка.

Я спустилась вниз ровно в семь тридцать.

Как обычно.

Отец уже сидел во главе стола.

Мать листала новости светской хроники на планшете.

— Доброе утро.

— Доброе, — спокойно ответила мама, не отрывая взгляда от экрана.

Отец лишь коротко кивнул. Этого было достаточно, чтобы обозначить, что моё присутствие замечено.

Я села на своё место.

Горничная поставила передо мной чашку кофе.

Свежие круассаны.

Фрукты.

Всё выглядело идеально.

Как и всегда.

— Вечером поедешь со мной, — произнёс отец, даже не поднимая взгляда.

— Хорошо.

— Семья ЧХВЕ устраивает закрытый ужин. Ты познакомишься с их сыном.

Я медленно подняла глаза, стараясь не выдать ни удивления, ни раздражения.

— Разве мы ещё не знакомы?

— Сегодня будет неформальная встреча.

Он произнёс это так спокойно, будто речь шла о новом деловом партнёре.

Не о человеке.

Не о моей жизни.

Я молча кивнула. Это был самый простой способ закончить разговор.

К вечеру особняк семьи ЧХВЕ сиял огнями.

Всё вокруг выглядело слишком дорого, идеально и правильно...

— КАН СО ЮН.

Знакомый голос заставил меня обернуться.

ЧХВЕ ДО ХЁН.

Высокий.

Безупречный костюм.

Вежливая улыбка.

Идеальная фигура.

Аристократичные черты лица.

Он выглядел именно так, как должен выглядеть наследник крупной корпорации.

— Рад снова тебя видеть.

— Взаимно. — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он чуть склонил голову, пытаясь разглядеть меня получше и тихо произнёс:

— Надеюсь, сегодня обойдётся без этих разговоров о нашем браке так, будто нас здесь нет.

Я вдруг замерла, взгляделась в его лицо и поняла, что он это заметил.

— Думаешь, не будут? — спросила я чуть тише, почти шёпотом.

Он пожал плечами и в уголках губ мелькнула лёгкая усмешка:

— Не уверен. У меня порой такое чувство, что они всё уже решили за нас. Даже помолвку, наверное, заключили. Просто забыли нас поставить в известность.

От этой полушутки у меня впервые за вечер дрогнули губы в едва заметной улыбке, совсем крошечной, почти робкой. Он увидел. Задержал на мне взгляд на секунду дольше обычного.

Но ничего не сказал. Просто снова слегка улыбнулся, ведь нам обоим стало чуть легче от этой маленькой общей шутки

В это же время...

На другом конце города...

— А ЧИ!

Из кухни доносился запах жареного кимчи и свежего риса.

— Если ты сейчас не выйдешь, я всё съем сама!

Дверь комнаты открылась.

— Не съешь.

— Это ещё почему?

— В тебя столько не влезет. Иначе потом опять будешь ворчать, что живот болит.

Бабушка прищурилась, явно пытаясь решить, ругаться ей или смеяться.

— Какой ты заботливый, аж полегчало. Жаль только, что домой приходишь после полуночи.

А ЧИ молча сел за стол.

— Ешь, — она тут же подложила ему ещё риса.

— Ну БА - А - БУШКА...

— Что?

— Здесь еды на четверых.

— Значит, наконец-то перестанешь быть похожим на вешалку.

Он только покачал головой.

В этот момент дверь распахнулась без стука.

— Доброе утро, семья! — МИН ДЖЭ вошёл так уверенно, словно жил здесь всю жизнь и тут же расплылся в довольной улыбке.

А ЧИ буркнул, не поднимая глаз:

— Людям нужен будильник, потому что у них нет тебя.

— Хах, агась. И знаешь, твоя бабушка всё равно любит меня больше, — подмигнул МИН ДЖЭ.

— Это правда, — спокойно кивнула ЁН ХИ.

МИН ДЖЭ вскинул брови и победно улыбнулся:

— Слыхал?

— Предательница, — беззлобно фыркнул А ЧИ, но в

уголках губ мелькнула едва заметная усмешка.

Бабушка, помешивая рис, спросила:

— Ты хоть завтракал?

— Нет конечно, — тут же отозвался МИН ДЖЭ, уже тянувшись к палочкам. Вот за это я вас и люблю!

— Эй, — А ЧИ спокойно, но твёрдо убрал тарелку чуть подальше. — Это моя.

— Ну ты и жадоба, — театрально вздохнул МИН ДЖЭ.

— Сам есть хочу, — невозмутимо ответил А ЧИ.

МИН ДЖЭ тяжело вздохнул, будто на его плечи легла вся тяжесть мира:

— Порой я думаю... Если ты однажды женишься, твоя жена помрёт с голоду.

— Не успеет, — отрезал А ЧИ.

— Почему? — быстро уцепился за слово МИН ДЖЭ.

— У неё вообще не будет шанса добраться до еды, ты всё схозячишь раньше.

Бабушка тихо рассмеялась.

— Видишь?

Он умеет шутить.

МИН ДЖЭ показно приложил ладонь к сердцу.

— Запишите этот день.

Это историческое событие.

Через некоторое время друзья уже выходили из дома.

— Сегодня вечером большая гонка. — сказал МИН ДЖЭ, понизив голос, точно делился секретом. — Ставки сумасшедшие.

— Я знаю.

— Поедешь?

А ЧИ надел шлем.

— Посмотрим.

— Это опять означает "да".

Он не ответил.

МИН ДЖЭ только усмехнулся.

За столько лет он научился понимать молчание друга лучше любых слов.

Тем временем чёрный представительский седан медленно двигался по центральному проспекту.

СО ЮН смотрела в окно.

За стеклом мелькали люди.

Студенты.

Рабочие.

Курьеры.

Каждый куда-то спешил.

Каждый жил своей жизнью.

На соседней полосе внезапно раздался знакомый рёв двигателя.

Чёрный спортивный мотоцикл проскользнул между машинами, так быстро, словно его и не существовало вовсе.

СО ЮН невольно повернула голову.

Всего на секунду.

Она не успела разглядеть лицо.

Только знакомую куртку.

И ощущение...

Будто этот звук она уже слышала раньше.

Мотоцикл исчез за поворотом.

А ЧИ даже не взглянул в сторону дорогого седана.

~ Иногда люди оказываются ближе, чем думают, но всё равно продолжают жить так, словно находятся в разных мирах. ~

Конец главы 3.

Глава 4. «По ту сторону привычек»

Самые важные стороны человека почти никогда не видят те, кто смотрит на него каждый день.

Их замечают случайные люди.

Те, перед кем не нужно притворяться.

—

Сеул просыпался раньше собственного солнца.

Первые поезда метро уже несли куда-то тысячи людей, словно город не признавал усталости.

В кофейнях зажигался тёплый свет, а на перекрёстках один за другим вспыхивали зелёные сигналы, как короткие разрешения: «Можно ехать. Можно двигаться. Но только по правилам».

Город снова начинал жить так, будто вчера никто не устал.

—

Утро в университете всегда начиналось одинаково.

Коридоры ещё не успели наполниться голосами, но кампус уже жил своей привычной жизнью.

Кто-то торопливо повторял материал перед парой.

Кто-то пил слишком сладкий кофе, надеясь проснуться раньше собственного расписания.

Кто-то смеялся так громко, как будто впереди не было ни экзаменов, ни ответственности.

—

Сегодня вместо привычной белой рубашки на мне было лёгкое кремовое платье длиной чуть ниже колен.

Простое.

Без ярких деталей.

Папа сказал бы, что оно слишком обычное для фамилии КАН.

Наверно, поэтому оно мне и нравилось.

Я убрала волосы за спину и подняла взгляд.

Небо было почти прозрачным.

Я машинально достала телефон.

Щёлк.

Ещё одна фотография.

Иногда мне казалось, что когда-нибудь я смогу собрать из них целую жизнь.

Ту, которую никто не утверждает на семейном совете.

—

— Доброе утро, СО ЮН.

— Доброе.

— Ты опять пришла первой?

— Просто вовремя. — ответила я, хотя знала, что это зву-

чит, как оправдание. На самом деле я пришла за пятнадцать минут до начала, но никогда не заходила в аудиторию раньше преподавателя. Есть привычки, которые становятся частью характера или клеткой, которую ты даже не замечаешь.

Голос профессора заставил аудиторию затихнуть.

— Госпожа КАН, — он снял очки и посмотрел на меня чуть дольше, чем на остальных, — Ваш анализ рынка, как всегда, безупречен.

Несколько студентов тихо переглянулись.

Кто-то вздохнул.

Кто-то закатил глаза.

По аудитории прокатился привычный шёпот.

— Конечно...

— Кто бы сомневался...

— Она опять первая...

Я поднялась.

Поклонилась.

— Спасибо.

И снова села, не реагируя на тихое шептание за спиной.

Внутри не произошло ничего.

Похвала давно перестала радовать.

Она была такой же обязательной частью моей жизни, как и оценки. Недовольство других меня не задевало.

После занятий ко мне подошла Ха На.

Единственная, кто никогда не обращался ко мне официально.

— Ты опять исчезнешь сразу после пар?

— Да.

— Почему ты никогда не говоришь, куда?

Я улыбнулась. Совсем немного, так, чтобы улыбка не стала обещанием.

— Потому что это место не любит лишних вопросов.

— Оно хотя бы существует?

— Иногда мне самой кажется, что только оно и существует.

—

Через полчаса чёрный седан уже ехал по улицам Сеула.

Высотные здания постепенно оставались позади.

Шумные проспекты сменялись тихими кварталами.

И с каждым километром мне становилось легче дышать.

Я сняла жакет.

Аккуратно сложила его рядом.

Закатала рукава платья.

И только тогда наконец позволила себе улыбнуться.

Настоящей улыбкой.

Не той, которую привыкли видеть окружающие.

На старых воротах висела деревянная табличка.

«Одно небо».

Я приезжала сюда уже почти три года.

Не по просьбе семьи.

И не ради благотворительных отчётов.

Отец вообще не знал об этом месте.

Здесь никто не называл меня
«госпожа КАН».

Для детей я была просто...

— СО ЮН!

Маленькая девочка лет семи бросилась ко мне так быстро,
что едва не сбила с ног.

— Ты обещала научить меня фотографировать!

— И обещание всё ещё в силе.

— Правда?

— Конечно.

Она радостно схватила меня за руку и повела внутрь, точно я была не гостьей, а частью этого двора, этого смеха, этого маленького мира, где всё решалось не деньгами и не фамилиями.

—

В это же время, на другом конце города, ЁН ХИ осторожно закрыла крышку большой коробки.

Внутри аккуратными рядами лежали домашние кимпабы, несколько контейнеров с супом и связанные ею детские ва-режки.

Она едва заметно поморщилась.

Кашель снова напомнил о себе, короткий и упрямый, как старая привычка.

— Бабушка.

А ЧИ уже стоял в дверях и в его взгляде было то, что она всегда старалась не замечать: тревога, которую он прятал за строгостью.

Она быстро выпрямилась.

Словно ничего не произошло.

— Доброе утро.

— Снова кашель.

— Мне уже нельзя кашлять?

— Можно. Но не так часто.

— Не смотри так. Это просто старость.

— Вчера тоже была старость. И сегодня утром. Уверена, что всё в порядке?

Она сделала вид, что не услышала и вместо ответа подтолкнула коробку к нему.

— Отвези.

— Я оставлю, как обычно у ворот.

— Нет.

Она покачала головой.

— Сегодня не получится. У них сломались качели. Нужно помочь.

Он вздохнул.

— Позвони кому-нибудь другому.

— Позвонила.

Все работают.

Она посмотрела прямо ему в глаза.

— Кроме тебя.

Он молчал несколько секунд.

Потом поднял коробку.

— Только быстро.

ЁН ХИ улыбнулась.

Совсем незаметно.

Она знала: если А ЧИ сказал «быстро», значит, он уже согласился.

Во дворе стоял старый Hyundai Porter.

Бабушка давно называла его
«вторым внуком».

Он ломался почти каждую неделю.

Но всё равно исправно заводился, когда нужно было кому-то помочь.

А ЧИ бросил коробку в кузов.

Сел за руль.

Повернул ключ.

Грузовичок завёлся на миг и затих.

— Чёрт. Я же говорил, — А ЧИ закрыл глаза и тяжело вздохнул.

Из дома выглянула ЁН ХИ.

— Не бухти, как старый дед, а попробуй ещё раз.

— Она опять не заведётся.

— Заведётся. — Я с ним поговорила.

Машина действительно завелась, только с третьей попытки.

Скрипуче.

Недовольно.

Но живо.

— Видишь? — крикнула бабушка. — Он просто любит внимание.

А ЧИ только покачал головой.

И выехал со двора.

Старый грузовичок остановился возле приюта.

А ЧИ заглушил двигатель.

Взял коробку.

Толкнул калитку плечом.

И впервые за много лет вошёл внутрь.

Во дворе было шумно.

Дети бегали друг за другом.

Кто-то рисовал мелом прямо на асфальте.

Кто-то запускал бумажный самолётик, который тут же падал, не справившись с ветром.

Он уже собирался пройти дальше, отнести коробку, сделать своё дело и уехать...

Но вдруг остановился.

У старых качелей, опустившись на корточки, сидела девушка в светлом платье.

Она терпеливо помогала мальчику прикрутить деревянную дощечку.

Тёмные волосы были собраны небрежно.

Несколько прядей выбились и падали на лицо.

Она тихо смеялась.

Совсем не так...

Как возле университета.

Без контроля, без оглядки на то, как это выглядит со стороны.

Мальчик что-то сказал.

Она рассмеялась ещё громче.

Именно в этот момент она подняла голову.

Их взгляды встретились.

Она замерла первой.

Он — секундой позже.

— ...

— ...

— Ты? — произнесли они почти одновременно.

Ни один из них не ожидал увидеть другого здесь.

И ни один ещё не знал...

Что эта встреча изменит не только их представление друг о друге, но и тот невидимый маршрут, по которому каждый из них шёл всю жизнь.

—

Телефон в кармане А ЧИ коротко завибрировал.

Он машинально достал его.

На экране было всего два слова.

“Нужно встретиться.”

Он медленно поднял взгляд.

СО ЮН всё ещё смотрела на него.

А сообщение так и осталось непрочитанным.

Конец главы 4.

Глава 5. «Некоторые встречи меняют тишину»

Самые красивые отношения начинаются не с любви.

Они начинаются с любопытства.

С того тихого, почти незаметного момента, когда вдруг становится интересно узнать человека чуть больше, чем это необходимо.

—

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Время будто растянулось, подстроившись под эту неловкость.

— Это... Ты? — первой нарушила тишину СО ЮН.

А ЧИ спокойно кивнул.

— Не думал, что снова тебя встречу.

— Я тоже.

Повисла короткая пауза.

На этот раз она уже не казалась неловкой.

Скорее неожиданной.

— Ты часто сюда приезжаешь? — спросила СО ЮН.

— Иногда.

— Странно...

Я здесь уже несколько лет.

Но никогда тебя не видела.

За них ответил директор приюта, который, заметив их, вышел во двор поздороваться. — директор КИМ улыбнулся, словно сам радовался этой маленькой несостыковке жизни.

— Потому что вы всё время разминались.

Девушка удивлённо посмотрела на него.

— СО ЮН приезжает по воскресеньям с утра. Читает детям книги, помогает с уроками, проводит занятия.

Он перевёл взгляд на А ЧИ.

— А этот упрямец появляется поздно вечером. Привозит продукты, чинит всё, что успело сломаться и исчезает раньше, чем дети успевают его поблагодарить.

Директор КИМ чуть склонил голову, будто сам только сейчас оценил иронию ситуации.

— Забавно, правда? Несколько лет помогать одному месту... и ни разу не встретиться.

Девушка тихо посмотрела на А ЧИ.

— Значит... мы всё это время были совсем рядом.

Он ничего не ответил.

Только отвёл взгляд.

Будто сам пытался понять, почему эта мысль показалась ему важной.

Через несколько минут к воротам подъехал мотоцикл.

Во двор ворвался громкий голос.

— А ЧИ!

Парень едва успел снять шлем, но уже широко улыбался.

— Ты серьёзно решил приехать без меня?

МИН ДЖЭ легко хлопнул друга по плечу.

— Хоть бы написал.

А ЧИ даже не удивился.

— Ты сам нашёл меня.

— Я просто слишком хорошо тебя знаю..

МИН ДЖЭ подошёл ближе, его взгляд скользнул по двору и вдруг замер на СО ЮН.

Лицо мгновенно изменилось. Он резко понял. Это она. Та

самая...

Он посмотрел на друга.

Потом на девушку.

Потом снова на друга.

И расплылся в улыбке.

— А-а-а. Теперь понятно.

СО ЮН немного растерялась.

— Что понятно?

МИН ДЖЭ протянул руку.

— Привет! Я ПАК МИН ДЖЭ. Лучший друг этого молчуна.

Он указал на А ЧИ.

— И официальный переводчик его молчания.

А ЧИ холодно посмотрел на него.

— Я тебя не просил.

— Именно поэтому я и нужен.

СО ЮН слегка растерялась, но улыбнулась в ответ.

— КАН СО ЮН.

Очень приятно.

МИН ДЖЭ довольно посмотрел на А ЧИ.

— Надо же.

Ты всё-таки умеешь знакомиться с людьми.

— МИН ДЖЭ, бешишь.

— Всё, молчу. Пока.

СО ЮН тихо рассмеялась.

Наверное, впервые за долгое время так легко.

А ЧИ невольно посмотрел на неё.

Совсем иначе, как на человека, в котором вдруг открылась новая грань.

Через несколько минут МИН ДЖЭ уже играл с детьми в футбол.

Он падал, смеялся, изображал проигравшего, специально пропускал мяч в ворота и громко возмущался.

— Это нечестно!

Вас слишком много!

— Ты сам согласился!

— Я не думал, что вас восемнадцать!

Дети хохотали так громко, что даже воспитатели выглядывали из окон.

СО ЮН наблюдала за этим, не замечая, что улыбается.

— Он всегда такой? — тихо спросила она.

А ЧИ проследил взглядом за другом.

— Всегда.

— Наверное... рядом с ним невозможно долго грустить.

— Именно поэтому он мой друг.

Ответ прозвучал так спокойно, что СО ЮН впервые услышала в его голосе не холод.

А благодарность, тихую, но настоящую.

Позже дети сели рисовать.

— Хён... А почему ты всегда такой серьёзный?

МИН ДЖЭ взял инициативу в свои руки и сказал:

— Потому что ему улыбаться дорого. Он экономит.

Дети начали смеяться.

Потом мальчик протянул А ЧИ лист бумаги.

— Хён нарисуй что-нибудь.

— Я не умею.

— Даже мотоцикл?

— Он тоже не получится.

— Тогда просто линию. Все умеют рисовать линии.

МИН ДЖЭ рассмеялся.

— Видишь?

Даже дети в тебя верят больше, чем ты сам.

А ЧИ взял карандаш.

И действительно нарисовал одну линию.

Потом вторую.

Через несколько минут на листе уже появился силуэт мотоцикла.

— Ух ты... Хён умеет!

СО ЮН украдкой достала телефон.

Щёлк.

Она снова сделала снимок.

Но на этот раз в кадре было не небо.

А человек, который впервые перестал казаться ей чужим.

Когда солнце начало клониться к закату, они вместе вышли за ворота. Воздух стал прохладнее, а тени длиннее, будто день напоследок хотел оставить о себе память.

— До встречи? — неожиданно для самой себя спросила СО ЮН.

А ЧИ посмотрел на вывеску «Одно небо». Потом на неё.

— Возможно.

Она улыбнулась.

— Тогда... до следующего воскресенья.

Он ничего не ответил.

Но едва заметно кивнул, так, что этот кивок прозвучал громче любых слов.

Вечером Сеул снова погрузился в огни. Машины плыли по улицам, фары чертили в сумерках жёлтые линии, а город притворялся, что знает, куда всё это движется.

МИН ДЖЭ всю дорогу ехал рядом. Не выдержав, он выплеснул...

— Ну?

— Что “ну”?

— А она красивая.

А ЧИ сделал вид, что не понял.

— Девушка, говорю ХО - РО - ШАЯ.

— Не знаю.

МИН ДЖЭ игриво усмехнулся.

— Почему-то я тебе не верю...

— Почему?

— Хех... обычно тебе вообще всё равно. А сегодня ты целый день был особенно молчалив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.